

Слияние публичной социологии и *POLICY SOCIOLOGY*: Новая цель социологической профессионализации?

Татьяна Зименкова

Предметом моего исследования стала социология в Германии и в особенности профессионализация этой академической по своему происхождению дисциплины. Этим обусловлен мой, возможно, предвзятый взгляд на публичную социологию. Тем не менее я хотела бы предложить для обсуждения несколько собственных тезисов.

1. Мне очень нравится то, как Майкл Буравой представляет «разделение социологического труда» (с. XX). Его таблица позволяет структурировать поле социологии и в то же время указывает на проблемы, с которым сталкивается или может столкнуться публичная социология. Я имею в виду старую проблему неоднородности социологии, которую я здесь не смогу обсудить подробно (к ней обращаются, например, авторы сборника (Cole 2001)). Это проблема взаимной непризнанности разных социологий (их тем, предметов внимания, методов, целей и этик), находящая внешнее выражение в употреблении таких терминов, как «настоящие социологи», «плохие социологи» и так далее. Профессионалам понятно, что единой дисциплины под названием «Социология» не существует. Общественность, напротив, исходит из единства социологической науки. Неоднородность можно воспринимать как преимущество, и мне очень нравится идея Буравого о том, что «структура социологии как дисциплины организована так, чтобы отвечать на запросы различных групп общественности» (Bigawoy 2005: 23, Буравой 2008: 44). Но общественность как таковая ждет «мнения социологов», имея в виду главным образом традиционную «публичную социологию» (в терминах Буравого). Мы сталкиваемся с проблемой представления социологии общественности. Это важная проблема, по крайней мере для немецких социологов. У меня накопилось множество данных о жалобах академических социологов на коллег, которые предлагают свои идеи общественности и в связи с этим воспринимаются как представители социологической, научно доказанной точки зрения. Мои респонденты жаловались на то, что подобные публичные дискуссии дают общественности ложное представление о научности социологии и производят впечатление, будто существует «официальная социологическая точка зрения». Словом, высокая вероятность того, что внесоциологическая общественность воспримет как взгляд социологии любое «социологическое» мнение, звучащее в публичном пространстве. Как пишет Буравой, «говорить от лица всех социологов трудно и рискованно» (Bigawoy 2005: 8, Буравой 2008: 17).

2. У публичной социологии нет клиентов в том смысле, в котором они есть у *policy sociology*. Тем не менее публичная социология, особенно «органическая», имеет своего рода заказчика, именно его интересы определяют работу публичных социологов. Отвечая на вопрос, может ли публичная социология представлять собой опасность, мы должны обращать внимание на этих клиентов и спрашивать, нужна ли публичной социологии своя особая профессиональная этика. «Отсюда парадокс: расширяющаяся пропасть между социологическим этосом и миром, который мы изучаем, порождает спрос и од-

новременно создает препятствия на пути публичной социологии. Что же нам делать дальше?» (Burawoy 2005: 7, Буравой 2008: 14)

3. Следующая тема — восприятие публичной социологии социологией профессиональной. Это ключевой вопрос, особенно в связи с социологическим образованием. Профессионалы, обучающие следующее поколение социологов, определяют стандарты возможного, желательного и признанного. Мой анализ восприятия публичных социологов и *policy sociologists* академическим социологическим сообществом в Германии показывает, что некоторые черты публичной социологии осознаются как «десоциологизация социологии» (Kühl и Tasche 2003). Следуя идее «синергии» (Burawoy 2005: 7, Буравой 2008: 30), мы должны не только преодолевать негативное восприятие социологии в академическом мире, но и показывать, что собственно социологического в публичной социологии.

4. И, наконец, несколько замечаний о публичной социологии в Германии. Исследования профессионализации (немецкой) социологии привели меня к выводу о том, что социологии и социологи (как академические, так и внеакадемические) форсируют развитие и институционализацию социологии как единой профессии, поскольку заинтересованы в образовании специфически социологической области компетентности — эксклюзивной и востребованной. Результат этих попыток можно систематизировать при помощи термина «консалтинг» («Beratung»). В категориях Буравого консалтинг можно определить как гибрид публичной социологии и *policy sociology*. Сам термин используется все чаще для определения социологического профессионализма и того профессионального сегмента, который следует занимать социологам. Однако термин как таковой весьма гибок и фактически непригоден для обозначения какого бы то ни было эксклюзивного профессионального сообщества. Как понимать это развитие с точки зрения теории Буравого? Насколько гибки два типа социологии и что делать с опасностью, которой чревата их взаимопроницаемость? Ведь идея публичной социологии, если я ее правильно понимаю, подразумевает отсутствие заказчика и ориентацию на публичный дискурс. Можно ли провести четкую границу между этими двумя социологиями? (Буравой описывает случаи превращения *policy sociology* в публичную социологию (Burawoy 2005: 9–10, Буравой 2008: 18–22), но, вероятно, существуют и обратные примеры.)

Авторизованный перевод с английского Михаила Габовича

БИБЛИОГРАФИЯ

Буравой, Майкл. 2008. За публичную социологию // *Социальная политика в современной России: реформы и повседневность* / Под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М.: ЦСПГИ, Вариант. С. 8–51 (русский перевод (Burawoy 2005)).

Burawoy, Michael. 2005. "For Public Sociology." *American Sociological Review* 70: 4–28.

Cole, Stephen (ed.). 2001. *What's wrong with sociology?* New Brunswick, NJ: Transaction Publishers.

Kühl, Stefan und Veronika Tasche. 2003: "Als-ob-Professionalisierung in der Soziologie. Überlegungen zu einer 'nachhaltigen' Lehre am Beispiel der Organisationssoziologie." *Soziologie: Forum der Deutschen Gesellschaft für Soziologie* 2: 5–22.